

М. Рыклин

ПОДНЯТИЕ

(Рассказ об акции "М. Рыклин")

О том, что КД уже несколько лет делает акции, посвященные отдельным художникам и критикам, практически без участия зрителей я знал давно. И вот пришла моя очередь. Планируемая акция несколько раз откладывалась из-за холода, снега и других неблагоприятных погодных условий, и состоялась она, наконец, 6 апреля 1996 года.

Направляясь на акцию, я почти ничего не знал о ней. Скупно просочились сведения о каком-то полотнище с надписью, выполненной И. Макаревичем и Е. Елагиной, а также место ее проведения — где-то между ВДНХ и Сокольниками.

На выходе из метро ВДНХ меня с Анной Альчук ждал Панитков, а минут через двадцать после нас появился Кизевальтер. Наконец, к метро подошел Бакштейн, припарковавший свои "Жигули" рядом с гостиницей "Космос". Мы сели в машину и буквально через десять-пятнадцать минут приехали на место проведения акции, оказавшееся в меру запущенным парком, который пересекала река Яуза. Начинало смеркаться. Запомнился адский грохот проходивших по мосту поездов; они шли непрерывно один за другим. Организаторы акции (это был весь состав КД, кроме Алексеева) находились здесь уже около часа, готовя все необходимое. На дорожке рядом с мостом периодически появлялись гуляющие люди, стайки мальчишек, неизбежные собаководы. В целом, несмотря на поезда, все вокруг выглядело каким-то умиротворенным, по крайней мере так ощущалось мной.

Мне предложили сесть на хлипкую с виду доску, подвешенную на двух веревках: одну за концы держали Монастырский и Кизевальтер, другую — Панитков и Ромашко. Чуть приподняв меня над водой, они начали смещать конструкцию к середине моста и протекавшей под ним реки. Эти действия совершались по команде, отдаваемой Монастырским; после каждой команды меня сдвигали метра на полтора. Внутренне я чувствовал себя спокойно и раскованно, почти комфортно, хотя "удобства" сидения на тонкой доске, понятное дело, относительно. Потом доску стало изрядно перекашивать: "сторона Паниткова" тянула сильнее, чем "сторона Монастырского". Перекос иногда был довольно значителен, и в конце концов я приспособился удерживать центр тяжести, подтягиваясь на одной из веревок, той, которая была ниже. Несколько раз, когда Андрей спрашивал, как я себя чувствую, я сообщал о перекасе, после чего он немного сожрался.

Непосвященным зрелище поднятия, должно быть, казалось странным, и ассоциировалось либо со съемками фильма (Игорь Макаревич снимал акцию на видео), либо с какой-то таинственной "разборкой". Проходящий мужик обратился ко мне со словами: "Ну, когда кидать будут?" — на что я ответил: "Сейчас". Он явно принял происходящее за разборку, в которой мне отводилась роль должника, которого раздраженные кредиторы в любой момент готовы окунуть в воду.

Но в целом это не затрагивало устойчивого ощущения *ни на чем не основанного* спокойствия, того, что педиатры называют “базисным доверием”. Была уверенность, что ничего плохого не случится. Пожалуй, самым неприятным был момент, когда, закончив поднятие, меня прижали к нижней части моста, так что несколько секунд я не мог из-под него выкарабкаться. В конце концов доску приспустили, но опять же со значительным перекосом. Чтобы выбраться на мост, нужно было сначала встать на доску ногами, что, после нескольких неуклюжих попыток, заснятых на видео, мне удалось сделать. Перебравшись через перила моста, я увидел, что “бурлаки” подустали, особенно тяжело дышал Андрей. Он попросил меня не становиться на одну доску с ним, потому что она прогнила и могла проломиться. Здесь выяснилась авантюристность всего предприятия: то, что доски гнилые, стало понятно в процессе самой акции. Панитков и Монастырский признались, что тянули веревку с трудом, на пределе своих возможностей, так как не учли трение веревки об острые края перил; кажется, недооценили они и мой вес (67-68 кг). Но, странным образом, все эти сведения как бы меня не касались, я воспринимал их как внутреннее техническое дело КД.

На краю моста я увидел длинный белый рулон, который нервно пытались развернуть над рекой, что в конечном счете и произошло. Мы стали осторожно спускаться с моста, внизу нас ждали другие участники, мне задавали вопросы, на которые я однообразно отвечал: “Все было хорошо, отлично”. Только пожалел, что не вынул из сумки кожаные перчатки: при залезании на мост они бы очень пригодились — перила были железные, холодные.

Собрались уходить, когда кто-то сказал, что я должен посмотреть на полотнище, которое развернули с моста. Теперь оно в полумраке плавно развевалось над рекой. Надпись гласила: “СОРОК ШЕСТОЕ ПОДНЯТИЕ МИХАИЛА РЫКЛИНА НАД РЕКОЙ ЯУЗОЙ”.

Объяснить эту надпись с помощью здравого смысла нельзя; иначе придется предположить, что меня до этого поднимали над Яузой сорок пять раз...

На самом деле этот лозунг расшифровывается двумя явными способами, о которых мне сказали тогда же, и одним неявным, до которого додумался я сам.

Сначала о двух явных смыслах: 1) 46 значит “поднятие” по И-Цзину, 2) в лозунге сорок шесть букв. Комментировать “И-Цзин” я не берусь, хотя “кто же сомневается в мудрости древних книг” (Кафка). Что касается числа букв, сочтем и его броском игральных костей, который не отменяет случая. Ближе к бессознательному третий смысл; совпадение гексаграммы И-Цзина и числа букв в лозунге с *возрастом* самого Андрея Монастырского (46 лет).

Дело в том, что “Сорок шестое поднятие...” явилось почти буквальной реализацией давнего желания Андрея поднять меня на мост. Обычно он говорил об этом после застолья в состоянии возбуждения; причем, требовал, чтобы поднятие состоялось непременно тотчас же, хотя время подходило к полуночи. Его всячески отговаривали, ссылаясь на поздний час, неподходящее состояние, сложность и опасность операции. Но эти аргументы только еще больше его разгорячали (один раз он даже позвонил Кизевальтеру, и тот согласился, но не тотчас, так что поднятие не состоялось). Планируемым местом акции всегда был район ВДНХ, до

которого от дома Андрея можно дойти пешком, и в сценарии всегда фигурировал некий мост. О самом поднятии говорилось как о плевом деле, как если бы я весил не больше годовалого младенца. Уверенность в элементарной простоте этого акта у Монастырского особенно возросла после того, как вдвоем с Сорокиным они подняли на мост Лену Петровскую. Так что *post factum* связь акции со старой навязчивой идеей Монастырского представляется достаточно очевидной, хотя, идя на нее, я, повторяю, ничего об этом не знал.

Но все вышло не так, как диктовалось логикой желания. После акции Андрей и другие говорили, что по дискомфортности для организаторов “Сорок шестое поднятие...” было сравнимо только с акцией “Бочка”. А степень риска была значительно выше обычной. Однако мое внутреннее восприятие было иным, куда более приятным.

Поднимая, человека бессознательно хотят сделать легче, пропустить через акт второго рождения. Я могу только догадываться о мотивах, побуждавших поднимать именно меня. Может быть, я обладаю некой непроницаемостью для общения, которая в коллективистском московском климате выглядит как эквивалент тяжести, которой можно лишиться? Тогда от этого несводимого остатка, ускользающего от групповой связности, меня и хотели “облегчить” в процессе акции. На какое-то мгновение это удалось, хотя избавиться от этого неудобного свойства навсегда не в моих силах.

Это была вторая акция КД, где мне отводилась “центральная” роль*. Для себя я понял, что комфортность восприятия акции не зависит от фактической дискомфортности ее отдельных моментов, например, от удобства и плавности поднятия. Я, признаться, не ожидал, что одно может быть настолько автономным от другого. Шизокитайцем оказывается не тот, кто знает гексаграммы, а тот, кто доверяет своим друзьям, воспринимая любые их действия — даже если они причиняют ему некоторые неудобства — рекреативно. Тогда и утлая доска может оказаться удобней качелей...

Поднятие длилось не больше пятнадцати минут: оно началось в лучах заходящего солнца, а кончилось в сумерках. Особенно впечатлило светло-кремовое полотнище над рекой, на котором еще можно было разобрать надпись. Я посмотрел на него как бы другим взглядом, не зависимым от возбуждения организаторов и своих предшествующих состояний. На нем могло быть написано что угодно — в тот момент мне было все равно. Создалось впечатление, что я посмотрел на себя со стороны. На обратной стороне полотнища был нарисован так называемый “кирпич”, знак, запрещающий движение... На какое-то мгновение такой же ментальный “кирпич” отделял меня от всех остальных. Это последнее впечатление сохранится дольше всего.

Москва, 25 мая 1996 г.

* Первой акцией была “Картина-1”, устроенная в 1987 г., она же, кажется, последняя, в которой участвовал Кабаков.